

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.07

УДК 94(470+571)

ББК 63.3(2Рос)

А.В. ШАЛАК

А.В. КОЛЧАК: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Цель данной статьи – отследить эволюцию взаимоотношений А.В. Колчака с западными державами. Объектом изучения является отношение Колчака с представителями стран, осуществивших военную интервенцию в Россию. К предмету исследования отнесены эволюция данных взаимоотношений от японского плена до иркутской драмы. Исследуются эволюция взаимоотношений А.В. Колчака с представителями западных государств от первых контактов в период японского плена до его сдачи представителями чехословацкого командования иркутскому Политцентру. История взаимоотношений свидетельствует, что политическая позиция А. Колчака отвечала интересам геополитических противников России, ее эволюция завершается прямым переходом Колчака на военную службу Великобритании.

Ключевые слова: Колчак, союзные государства, геополитика, гражданская война.

A. V. SHALAK

A. V. KOLCHAK: THE EVOLUTION OF GEOPOLITICAL BETRAYAL

The purpose of this article is to trace the evolution of relations between A.V. Kolchak and the Western powers. The object of the study is Kolchak's relationship with representatives of the countries that carried out military intervention in Russia. The subject of the study includes the evolution of these relationships from the Japanese captivity to the Irkutsk drama. The evolution of A.V. Kolchak's relations with representatives of Western states from the first contacts during the period of Japanese captivity to his surrender by representatives of the Czechoslovak command to the Irkutsk Political Center is investigated. The history of relations shows that the political position of A. Kolchak met the interests of Russia's geopolitical opponents, its evolution ends with Kolchak's direct transition to the military service of Great Britain.

Keywords: Kolchak, allied states, geopolitics, civil war.

История во все времена является инструментом в руках определенных политических сил. Выступая с докладом, в котором подводились итоги развития общественных наук за первые десять лет советского пе-

риода, М.Н. Покровский относительно исторической школы России XIX в. отметил, что она отразила определенную классовую борьбу и их история «ничего, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет» [1, с. 5-6]. М.Н. Покровский полагал, что советской исторической школе удастся преодолеть политизацию истории. Однако прошедшее время убедительно доказывает, что политизация истории естественна, а в век информационного общества она является важным инструментом политики. С этой точки зрения, более ближе к истине представляется высказывание британского историка Эдварда Фримана, сформулированное им в 1886 г.: «История есть политика прошлого, а политика — история настоящего» [2, с. 67]. С этой точки зрения, изучении истории есть прежде всего изучение политической истории.

Поскольку политика неразрывно связана с идеологией, то задача историков заключается в объективном и содержательном анализе прошлого на основе принципов научности и объективности. Реализуются данные принципы только в рамках определенного методологического подхода. Поэтому чрезвычайно важно понимать в рамках какого методологического подхода историк выявляет и интерпретирует причинно-следственные связи. Значение, несомненно, имеет и широта анализируемой источниковой базы, поскольку от этого также зависит объективность оценочных суждений.

Открытие новых недоступных ранее исследователям документов, цифровизация архивных источников позволяет более оперативно и на более широкой документальной основе исследовать узловые пункты советской политической истории, имеющей отношение к Гражданской войне. Расширяются и печатные выпуски документальной продукции. В 2021 г. вышло двухтомное издание документов, почерпнутых из 13 федеральных, ведомственных и региональных архивов, по А.В. Колчаку, значительная часть которых опубликована впервые [3; 4]. С переизданными ранее протоколами допроса А.В. Колчака [5] они представляют на сегодня наиболее полное документальное собрание по его биографии, позволяя комплексно исследовать основные этапы жизни, эволюцию деятельности на политическом поприще.

Октябрьский переворот 1917 г., последовавшая за этим интервенция и Гражданская война продолжают оставаться важнейшими пунктами советской истории. Тема о внешнем влиянии и роли различных государств в государственном перевороте в России в 1917 г., а также развязывании гражданской войны остается дискуссионной. Несмотря на различные трактовки роли иностранных государств, большинство авторов признают решающую роль интервенции в развязывании гражданской войны [6; 7; 8 и др.]. Однако непосредственные взаимоотношения представителей Белого движения с «союзными государствами», в которых проявляются

истинные интересы «союзников», изучены на уровне конкретно-исторического анализа значительно уже и в основном рассматриваются в контексте других проблем.

Геополитическая интерпретация политической истории исходит из того, что подобное вмешательство в перераспределение ресурсов России не могло вестись спонтанно. Оно основано на долговременном стратегическом планировании, подготовки обширной агентуры и финансировании. Единственной страной, кто мог дирижировать этими процессами в то время являлась Великобритания. «Великое противостояние» Российской и Британской империй в начале XX в. уже имело солидное теоретическое обоснование.

Связь Колчака с союзными государствами документально отслеживается, начиная с лета 1917 г., с его поездки в Лондон, а затем в США. Однако первое знакомство будущего «Верховного правителя» с представителями западных государств произошло гораздо раньше. Его можно отнести ко времени нахождения Колчака в японском плену.

После сдачи Порт-Артуре Колчак был вынужден лечь в госпиталь из-за обострившегося суставного ревматизма. В госпитале Порт Артура он находился с 20-х чисел декабря 1904 г. до апреля 1905 г. Затем его через Дальний переправили в Нагасаки. О своем нахождении в плену Колчак единственный раз свидетельствует на допросе в Иркутске. С доставленными в Нагасаки военнопленными контактировал французский консул. Именно он, со слов Колчака, предложил данной группе военнопленных «возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий» [5, с. 23]. Вряд ли такое избирательное отношение, проявленное к группе военнопленных, можно назвать случайным. После месяца пребывания в Нагасаки, Колчак с данной группой военнопленных отбывает в конце апреля 1905 г. в США, где он также пробыл около месяца, а затем из Америки отправляется в Россию [там же]. В Россию он прибыл четвертого июня. О деталях пребывания Колчака в Японии и в США больше нет никакой информации. Как и нет объяснений, почему ему пришлось возвращаться домой через США, а не через Владивосток или окружным путем в Европу. Часть историков утверждает, что такое лояльное отношение было проявлено только к тем военнопленным, кто наиболее храбро сражался против японцев, что выглядит, как минимум, странно. Другие утверждают, что подобное отношение было проявлено ко всем русским военнопленным. Но это не подтверждается фактами. Нет ясности и в отношении пребывания Колчака в США. Многие исследователи вообще игнорируют факт его пребывания в Америке и утверждают, что в Россию он вернулся в апреле 1905 г. [9, с. 54].

Следует напомнить, что в японском плену находилось по разным данным от 70 до 72 тыс. военнопленных. Возвращаться им в Россию было разрешено только после заключения Портсмутского договора. Его подписание произошло 23 августа (5 сентября) 1905 г., а вывоз пленных во Владивосток начался только 29 октября 1905 г. При этом только офицерам было разрешено после ратификации договора возвратиться в Россию самостоятельно на иностранных судах окружным путем через Европу. Однако адмирал З.М. Рожественский и другие офицеры отказались от использования этой возможности и были вывезены из Японии вместе со всеми после официального приезда туда специальной комиссии по приему военнопленных [10, с. 96].

Поэтому невозможно представить, что представители западных государств от имени японского правительства «великодушно» предоставили право пользоваться лечебными источниками и медицинскими учреждениями всем русским военнопленным, как и сложно объяснить факт отправки Колчака с небольшой группой офицеров до заключения Портсмутского мирного договора в США.

Контр-адмирал С.Н. Тимирев, который состоял с Колчаком в одной роте, когда они были еще кадетами, участвовал в обороне Порт Артура, сталкивался с Колчаком постоянно по службе на флоте в своих воспоминаниях, изданных в Шанхае в 1922 г., ничего не упоминается о пребывании Колчака в Нагасаки. Оба они после сдачи крепости оказались в госпиталях. Но о пребывании Колчака в японском плену Тимирев никакой информацией не владел и утверждает, что Колчака японцы эвакуировали в Шанхай, а из него в Россию [11, с. 8-9].

По возвращению в Россию, Колчак становится одним из инициаторов создания Общества младших офицеров флота. Эта организация создается осенью 1905 г., а в феврале 1906 г. переименовывается в Санкт-Петербургский военно-морской кружок. Первоначально кружок возглавлял капитан 2-го ранга М.М. Римский-Корсаков, а в 1908 г. его сменил А.В. Колчак. Всего в кружок входили 29 человек [12, с. 53]. Колчак в протоколах допроса именуется данный кружок «полуофициальным», тем не менее кружок претендует на то, чтобы определять морскую стратегию России. Сложно представить, что подобной деятельностью на флоте можно было заняться без серьезной поддержки наверху.

На допросе в Иркутске в 1920 г. Колчак приписывает инициативу создания кружка и Морского генерального штаба себе [5, с. 23]. Однако основным идеологом кружка и единоличным разработчиком его проектов являлся лейтенант А.Н. Щеглов. Именно его документы, объединенные под заголовком «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны» при поддержке графа А.Ф. Гейдена – начальника Морской походной канцелярии Государя Императора и были доложены Николаю II [13, с. 131-133].

Морской генеральный штаб был создан 24 апреля 1906 г. как высший орган оперативно-стратегического управления флотом. По существу, в результате данной реформы флот был разделен на три части: Морской генеральный штаб, который претендовал на интеллектуальное обоснование деятельности флота, действующий плавающий флот и министерство, которое отвечало за решение административно-хозяйственных вопросов. Единство управления флотом было утрачено. Штаб штаба был небольшим. Первоначально в его состав вошли начальник штаба, помощник начальника штаба, шесть штаб- и восемь обер-офицеров. К 1914 г. штат штаба увеличился в несколько раз и составлял накануне войны 35 офицеров и 23 унтер-офицеров. В таком составе вряд ли молодые офицеры могли претендовать на роль интеллектуального ядра командного состава. Но как орган лоббирования определенных интересов он вполне мог действовать. Следует также отметить, что все три первых начальника учрежденного Морского генерального штаба являлись членами французского Ордена Почетного легиона.

Деятельность новоявленного «кружка» удачно вписывалась в политическую атмосферу страны. Появление Государственной Думы создавало условия для лоббирования определенных статей военного бюджета. Депутаты Государственной Думы охотно шли на контакты по этим вопросам, поскольку не являлись экспертами в военном деле. Собранная в ноябре 1907 г. Третья Государственная Дума должна была принять программу возрождения военной мощи России. Колчак с членами «кружка» прилагал невероятные усилия по продвижению программы строительства четырех линкоров. В случае поддержки этой программы, на ее реализацию ушло бы не менее 40 % военного бюджета империи. Член государственной думы третьего созыва Н.В. Савич написал интересные воспоминания об этой стороне деятельности «младореформаторов» от военно-морского флота «Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума)», изданные в 1923 г. Он отмечает, что наиболее «блестяще отстаивал требование о постройке четырех броненосцев» представитель вновь созданной структуры в лице «Морского генерального штаба» А.В. Колчак [14, с. 169-172]. Лоббирование этой программы завершилось успешно. После этого деятельность «младотурок» сворачивается. Никаких «стратегических инициатив» в области возрождения ВМФ России больше не последовало. С 1909 г. функция стратегического планирования передается командованию флотов, а в 1914 г. Морской Генеральный штаб исключается из контура управления флотом [13, с. 136].

Построенные линкоры не смогли превратить российский флот в океанический по двум причинам: не имелось баз для их дозаправки топливом, уязвимость линкоров со стороны подводных лодок. При этом концентрация ресурсов на постройке линкоров не позволила развернуть

масштабное строительство отечественных кораблей других классов, а также защитить ее береговую зону. Уязвимость российского нашего флота даже во внутренних морях возросла, особенно в связи с угрозой со стороны подводного флота.

В период лоббирования программы строительства линкоров Колчак отметил и статью «Какой флот нужен России», опубликованной в 1908 г. С точки зрения геополитики, она интересна двумя тезисами, отстаиваемыми Колчаком: нецелесообразность создания мощного флота, способного бороться за Тихий океан и проявление полной лояльности по отношению к Англии. Он утверждает, что «флот Англии на всех наших морях нам непосредственно не угрожает» [15]. В условиях разворачивающейся борьбы за обладание Тихим океаном, последствий русско-японской войны, которую Япония развязала, опираясь на поддержку Великобритании, данные тезисы явно не отвечают геополитическим приоритетам России. Колчаку, как офицеру российского флота и участнику войны с Японией, геополитический расклад, который в итоге привел к войне на Востоке России, был хорошо известен. Генерал военной разведки А.Е. Едрихин утверждал, что Великобритания делает все возможное для ослабления России и оттеснения от морских побережий вглубь континента. [16, с. 88]. Противостоять этому можно лишь через создание союза России и Германии. Колчак же утверждает, что главным врагом России является Германия.

Деятельность А.В. Колчака в годы Первой мировой войны на Балтийском флоте отмечается стремительным карьерным взлетом, который остается загадкой до сих пор. Капитаном первого ранга А.В. Колчак становится, минуя обязательную ступень командира линейного корабля второго класса, на контр-адмиральскую должность он назначается в обход обязательной служебной ступени командира корабля 1-го класса. Через три месяца нахождения в должности Колчака производят в контр-адмиралы. Не отмеченный никакими новыми заслугами через два месяца он еще более неожиданно для всех становится вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом [17].

Интересные факты содержатся в воспоминаниях С. Тимирева о карьере Колчака на Балтийском флоте. Колчак в должности флаг-капитана по оперативной части являлся помощником начальника штаба Л.Ф. Кербера, но абсолютно игнорировал последнего. Минуя Кербера, он докладывал о своих планах только непосредственно Эссену, командующему Морскими силами Балтийского флота. На этой почве у Кербера с Колчаком были постоянные конфликты, замирать которые приходилось Эссену. Интересно, что сам Колчак ничего подобного терпеть не мог и требовал соблюдения строгой субординации. Вряд ли бы, без серьезной поддержки Колчак вел себя так по отношению к Л.Ф. Керберу. Эссен

по непонятным причинам явно благоволил Колчаку, брал его с собой в поездки, более того, как пишет С. Тимирев, именно Эссен был главным протеже Колчака и уже в марте 1915 г. по итогам Высочайшего осмотра Государем флота пытался провести Колчака в адмиралы [11, с. 12].

Занять должность командира минной дивизии Колчаку отчасти помог случай. Командир минной дивизии контр-адмирал Трухачев вывихнул руку, оступившись на сходне. Произошло это 4 сентября 1915 г. Восстановливался он до 11 ноября. В это время его обязанности в течение двух месяцев исполнял Колчак. Однако вернувшийся в строй Трухачев вскоре заболел серьезно (рак желудка) и в декабре ему пришлось оставить минную дивизию. Так Колчак оказался на его месте [11, с. 38, 40].

В своем дневнике капитан 2-го ранга И.И. Ренгартен, служивший в штабе командующего Балтийским флотом, отмечал, что решение о назначении Колчака на должность командующего Черноморским флотом «держалось в абсолютной тайне» и было для всех полной неожиданностью. Однако А.В. Колчак очевидно был посвящен в назначение, поскольку сразу после расшифровки телеграммы он нацепил вице-адмиральские погоны. Когда, как пишет Ренгартен, он с группой офицеров после получения известия о назначении Колчака прибыл на «Кречет», то в столовой застали растерянных офицеров с бокалами шампанского в руках и среди них Колчак в вице-адмиральских погонах, «удерживающий улыбку удовольствия» [3, с. 324-325].

Военный министр Временного правительства А.И. Верховский, хорошо знавший генералитет русской армии и имевший обширные связи в офицерском корпусе, столь быструю карьеру Колчака объяснял тем, что «Колчак еще со времени японской войны был в постоянном столкновении с царским правительством и, наоборот, в тесном общении с представителями буржуазии в Государственной думе» [18, с. 169-170]. Косвенным подтверждением утверждения А.И. Верховского является то, что Колчак первым из высшего командного состава царской армии приехал в Временному правительству.

В отдельных воспоминаниях рисуется образ Колчака, как человека предельно преданного службе и чуждого каким-либо интригам. В частности, Р.Р. Левгод, исполнявший обязанности заместителя председателя Севастопольского исполнительного комитета, отмечает почти детскую доверчивость «грозного адмирала» к своим близким помощникам. «Неспособный ни к чему неблагородному, чуждый интриге Колчак никогда не принимал во внимание, что люди в служебные дела нередко вносят личные интересы» [3, с. 571]. Думается, что подобная характеристика Колчака мало соответствует действительности. Колчак посвящен в политические интриги, быстро меняет политические приоритеты. Еще в начале октября 1916 г. в телеграмме, направленной в Морской штаб

Верховного главнокомандующего, он называет Николая II «обожаемым верховным вождем» и выражает ему чувства «беспредельной любви и преданности» [3, с. 370]. Верность временному правительству он также сохраняет недолго. Спустя три месяца он слагает с себя полномочия командующего Черноморским флотом. Причем по времени это совпадает с приездом американского контр-адмирала Дж. Гленнона в Севастополь для встречи с Колчаком. Обратно в Петроград они возвращаются вместе в одном вагоне, а затем американский адмирал инициирует поездку Колчака в США.

С этого начинаются прямые контакты А.В. Колчака с представителями англосаксонских стран. На этом этапе представителей будущих «союзных государств» Колчак интересуется как источник информации, не только сугубо военной, но и военно-политической. Колчака входит в военную элиту России, и он обладал информацией, которая могла быть предельно полезной для военно-политического руководства западных стран. Колчак не только соглашается стать источником такой информации, но и желает выторговать для себя определенное место в военных структурах союзных государств. И такие обещания возможного перехода на службу иностранного государства он получает.

В письме А. Тимиревой от 17 июня 1917 г. Колчак пишет, что имел совершенно секретный и весьма важный разговор с послом США и адмиралом Гленноном. Колчак сообщает не только о том, что дал согласие принять участие в операциях на стороне США: «...я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу» [3, с. 490]. Как видно из этого письма, Колчак добровольно предлагает свои услуги американцам. И на этом этапе американцы их принимают. Очевидно, что с их стороны следуют некие обещания. После этого Колчака с группой офицеров, вряд ли посвященных в его договоренности с американцами, англичане по своим каналам через Швецию вывозят из России. По пути в США Колчак посетил Великобританию, где пробыл около месяца. В Америку он прибывает 30 августа 1917 г.

В США в течение нескольких недель Колчак делился информацией с американской стороной, рассчитывая «продолжить свою боевую деятельность» на службе в американском флоте» [5, с. 124]. Но американцы на это желание Колчака не отреагировали. Возможно этому решению способствовало более близкое знакомство с Колчаком. Нужно отметить, что и в дальнейшем, когда Колчак выступал в роли «Верховного правителя», американцы не испытывали какого-либо глубокого доверия к нему, не шли на близкие контакты, предпочитая решать свои проблемы с опорой на других противников советской власти.

В письме А. Тимиревой от 29 сентября Колчак сообщает, что ему придется возвращаться в Россию, «хотя совершенно не знаю, что буду

там делать» [3, с. 46]. 7 октября 1917 г. Колчак покинул Америку. Перед отъездом он дал согласие на участие в выборах депутатов Учредительного собрания по Черноморской флотскому округу. Всего окружная избирательная комиссия включила семь кандидатов. В этом списке Колчак числился под седьмым номером как беспартийный от партии Народной Свободы. Однако решением Всероссийской избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание от 31 октября 1917 г. он был исключен из списка за «отсутствие полных сведений о кандидате и согласия кандидата баллотироваться по данному округу» [3, с. 635].

Очевидно, желание Колчака попытаться пристроиться теперь уже на службу к англичанам созрело на пути из США в Японию. Первоначально он собирался вернуться в Россию. В телеграмме на имя Морского министра он сообщает о своем отъезде из США в Россию через Японию: «Выезжаю из Сан-Франциско 9 ноября нового стиля» [там же, с. 512]. Глубоко уязвленный отказом американцев, он ищет отклика у их ближайшего союзника. Через два месяца прошение Колчака английское правительство удовлетворило. Свою очередную смену хозяина он пытается оправдать религиозной верой в войну. В январе 1918 г. Колчак пишет Тимиревой (30.01.1918 г.), что «поставил войну выше родины, выше всего... Я отдаю отчет в своем положении – всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно, является кондотьером с весьма сомнительным отражением на идейную или материальную сущность своей профессии» [там же, с. 514]. Переход на военную службу британскому правительству бывший командующий русским Черноморским флотом объясняет какой-то фанатичной верой в войну, которая выше всего, в том числе и родины. При этом Колчак не выражает никакого желания бороться за единую и неделимую Россию на стороне какой-либо политической силы. Судьба России на этом переломе его не интересует, свои знания и профессиональный опыт он продает Великобритании, которая с начала XIX в. являлась основным геополитическим противником России.

Колчак решению британского правительства рад и готов теперь восхвалять Великобританию даже за предоставляемые бытовые удобства. В Шанхае (по пути на Месопотамский фронт) Колчака устроили в английский клуб, о котором он восхищенно сообщает А. Тимиревой, как о лучшем «по обстановке и комфорту на Дальнем Востоке, которые могут быть созданы только великой английской культурой» [там же, с. 514].

На контакты с представителями России, стремившихся организовать сопротивление советской власти за Уралом, Колчак не идет. Как явствует из письма генерального консула в Шанхае В.Ф. Гроссе посланнику в Пекине князю Н.А. Кудашову, Колчак готов приехать в Пекин только при условии получения прямого приказа на это от представителя англий-

ского правительства, на службе коего он находится [3, с. 513-514]. Решение британцев о «его более желательном присутствии в Маньчжурии» он получил, когда находился уже в Сингапуре. Ситуация в Маньчжурии и на Дальнем Востоке складывалась не простая, и англичане из своих соображений предпочли держать Колчака поближе к эпицентру событий.

15 апреля 1918 г. состоялось заседание Правления Общества КВЖД, которое официально поручило Колчаку заведовать всеми русскими вооруженными силами в районе дороги. Причем военная охрана должна была распространиться на линию Уссурийской железной дороги (она была в аренде у КВЖД). Англичане заинтересованы в вывозе всевозможного сырья из региона, а для этого нужно было контролировать Уссурийскую транспортную коммуникацию. «Отсутствие у Китайской дороги свободного выхода к морю до крайности стесняет ее продуктивную работу по вывозу маньчжурского сырья за границу». Колчаку назначалось содержание в 24 тыс. руб. в год и еще 30 тыс. руб. на снятие жилья в Харбине [там же, с. 517-518].

Однако наладить контроль над КВЖД было совсем непросто. США и Великобритания реальной военной силой в регионе не располагали, а Японии сильные вооруженные силы, контролируемые другими государствами, были не нужны. Поэтому японская сторона сделала ставку на амбициозного Семенова, а тот, опираясь на японскую поддержку, сотрудничать с Колчаком отказался. Колчак, не имея никакого политического веса, не разбираясь в тонкостях сухопутной службы и политической ситуации, не смог договориться ни с японскими представителями, ни с Семеновым, а также добиться какой-либо серьезной помощи от США и Англии. Причем даже управляющий Генеральным консульством в Харбине М.М. Попов ухудшение отношений с японцами объясняет «резкостью, допущенной адмиралом» и советует адмиралу «загладить произошедший инцидент» [там же, с. 522]. Его деятельность в этой должности, по сути, заканчивается спустя два месяца после назначения.

30 июля 1918 г. Колчак уезжает в Японию. Очевидно, конфликт с японцами, повысил ставки Колчака на роль лидера антисоветских сил за Уралом. На Дальний Восток прибывают войска интервентов, и им требуется человек, за спиной которого они могли осуществлять военный и политический контроль. Колчак со своим «послужным списком» и фактически находящийся на службе Британского правительства в наибольшей степени подходил на эту роль. Поэтому в Токио он оказывается не случайно. По крайней мере, сразу после приезда ему наносит визит Нокс. Об этом визите Колчак подробно повествует в «Протоколах допроса». В беседе с Ноксом обсуждается примерный план, который в дальнейшем будет реализован «союзниками» в Омске при непосредственном участии Колчака. Ставка делается на вооруженную диктатуру.

Очевидно Нокс не скрывает, кого они планируют на роль диктатора. Колчак не возражает, но и выставляет нечто вроде условия: «Я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием...» [5, с. 38]. Такой позицией в качестве агента английских представителей, он безусловно устраивал интервентов. Поэтому Нокс после встречи отправляет в Лондон телеграмму: «Без сомнения Колчак лучше всех русских подходит для нашей цели» [19, с. 65].

В течение двух с половиной месяцев Колчак вместе с А.В. Тимиревой проводит на курортах Атами и Никко в Японии. В это время англичане улаживают все «технические вопросы» продвижения Колчака на роль «Верховного правителя». 16 сентября 1918 г. А.В. Колчак отплыл из Иокогамы во Владивосток [20, с. 774-776]. Только перед отбытием из Владивостока в Омск Колчак официально уведомляет Д.В. Хорвата о своем выходе из Правления Общества КВЖД. До этого он исправно получает свое жалование в размере двух тыс. руб. в месяц [3, с. 525].

Из Японии во Владивосток А.В. Колчака сопровождал глава французской «дипломатической миссии» Ренью, а из Владивостока в Омск его доставляет английский генерал Нокс, являвшийся главой британской военной миссии на востоке России. Под давлением английского Верховного уполномоченного и главы британской военной миссии, и под обязательство признания Англией правительства Директории, Колчак 4 ноября был введен в его состав и назначен военным министром [4, с. 36]. Директория была принуждена Англией включить Колчака, находившегося у нее на службе, в состав правительства.

Военным министром Директории и командующим Сибирской армией являлся на тот момент генерал П.П. Иванов-Ринов. Он находился на Дальнем Востоке, где пытался создать полноценные вооруженные силы и привести в повиновение Сибирскому правительству местные власти. Его кандидатура устраивала японцев, ему отдавали свои предпочтения и военные. В донесении морского агента в Японии и Китае контр-адмирала Б.П. Дудорова от 28 ноября 1918 г. сообщалось: «...уже назначение адмирала военным и морским министром являлось некоторого рода вызовом, брошенным Японии» [там же, с. 81]. В телеграмме генерал-майора П.А. Бобрика на имя начальника штаба Сибирской армии в связи с назначением Колчака отмечается: «Я думаю, что если бы все это знал Колчак, то он как патриот сам отказался вступить в должность, не дав покончить дело Иванова» [там же, с. 35]. Но «союзники», продвигая Колчака, решают свои задачи. Усиление Японии не отвечало интересам западных стран. Поставив Колчака, они тем самым изолировали Временное Сибирское правительство от японских вооруженных сил. Граница между союзниками теперь проходила по Байкалу.

18 ноября Временное всероссийское правительство, не имея на это полномочий, заявляет о принятии на себя всей полноты государственной власти в России и в этот же день издает указ о производстве Колчака в адмиралы и следующим постановлением присваивает ему звание Верховного правителя и передает в его руки всю полноту государственной власти. После этого уже в чине Верховного правителя Колчак освобождает генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева от командования вооруженными силами, переподчиняет их себе. В день переворота назначенный министром Внутренних дел А.Н. Гаттенбергер издает указание, о «недопущении никаких выступлений и обсуждения в печати и на собраниях происшедшего» ... [4, с. 44-45]. Последовала информационная кампания, в которой утверждалось, что переворот совершен под давлением широких слоев населения, групп. Какие-либо доказательства или факты не приводились.

Чехи, которых, как и японцев, не посвящали в детали готовившегося переворота, отнеслись к перевороту неодобрительно, хотя Колчак в должности министра по военным и морским делам после своего назначения совершил блиц-визит к Гайде, пытаясь выстроить с ним отношения.

В день совершения переворота Колчак наносит визит к представителям французского и британского военного командования и всячески стремится продемонстрировать всем поддержку со стороны западных союзников. В разговоре с атаманом А.И. Дутовым 20 ноября 2018 г. Колчак подчеркивает, что «со стороны французов и англичан ... лично я встречаю самое благожелательное отношение. Предоставлено в случае надобности распоряжаться английскими войсками, находящимися в Омске для поддержания порядка» [21, с. 307]. То есть Колчак прямо намекает, что в случае какого-либо сопротивления, на его стороне выступают войска «союзников».

21 ноября в обращении к офицерам русской армии он опять отмечает роль западных союзников в его возвышении: «Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи...» [4, с. 64]. Через день он опять не преминул отметить их роль в призыве к офицерам и солдатам Русской армии: «С нами братские чехословацкие войска и союзные; ... пришедшие на помощь отряды Великобритании и Франции ...» [21, с. 388].

Свои отношения с Деникиным Колчак также выстраивает через союзников. Зашифрованные телеграммы передаются через Британскую военную миссию.

В исторической литературе большинство исследователей рассматривают Колчака как вполне самостоятельную политическую фигуру, поддержанную консервативными силами белого движения и выведен-

ную ими на авансцену Гражданской войны в России. Однако нет никаких серьезных фактов, позволяющих делать подобные выводы. Колчак выступает как креатура геополитических противников России, не заинтересованных в возрождении и усилении российской империи. По крайней мере, сами союзники свою ставку на Колчака не скрывали. Английский военный министр У. Черчилль, выступая в июне 1919 г. в палате общин и говоря о правительстве Колчака, выразил это фразой: «Мы вызвали его к жизни...» [22, с. 37-38].

Союзники свои цели реализуют последовательно. Одним из первых актов колчаковского правительства стала декларация от 21 ноября 1918 г., в которой оно обещало выполнить все обязательства по внутренним и внешним государственным займам России [4, с. 66]. Оказывать же какую-либо оперативную и масштабную помощь союзники не спешат. Расчет делается на изматывание обеих сторон в кровопролитной гражданской войне, максимальное ослабление потенциала России. Искусством войны «чужими руками» они овладели намного лучше других. Продвинув Колчака на роль «Верховного правителя», «союзники» прибрали к своим рукам основные нити военного и политического контроля. Сложившуюся после переворота ситуацию хорошо осознавали все лидеры белого движения в Сибири. 12 января 1919 г. в письме Колчаку представитель Всероссийского Верховного командования при союзном командовании на территории России генерал-лейтенанта Г.В. Романовского прямо указывается, что «ныне Франция и Англия взяли в свои руки вопросы командования и снабжения (оставляя в стороне вопрос нашего национального самолюбия)» [4, с. 128].

16 января 1919 г. подписывается соглашение между союзными войсками (в лице М. Жанена и А. Ноксом) с Колчаком, в соответствии с которым главнокомандующим союзными войсками, действующими на Востоке России и в Сибири к западу от Байкала, становился генерал Жанен. В состав союзных войск входили «англичане, французы, итальянцы, поляки, румыны, чехи и юго-славяне». Второй пункт соглашения предписывал: «Высшее русское командование согласует ведение операций с общими директивами, сообщаемыми генералом Жаненом». Третий пункт конкретизировал это положение следующим образом: «...приказы и распоряжения из них вытекающие, будут отдаваться русским начальником штаба по поручению Верховного главнокомандующего». Более того, соглашение обязывало колчаковский штаб держать «...генерала Жанена... в курсе всех словесных распоряжений, которые могли бы отдаваться». Естественно, что и контроль за данным соглашением англичане с французами оставляли за собой. Жанен получал «право осуществлять общее наблюдение на фронте и в тылу... иметь своих офицеров в штабах, частях и учреждениях» [там же, с. 133-134]. Таким

образом задача колчаковского штаба состоит в доведение до своих войск задач «союзного командования». Осуществив переворот и поставив во главе «Сибирского правительства» свою марионетку, англичане отнюдь не собирались отдавать бразды правления в его руки. Поэтому утверждать о какой-либо политической, военной, административной самостоятельности Колчака и его правительства невозможно.

Следует подчеркнуть, что эти договоренности носили закрытый характер. 19 января Колчак отдает приказ № 99 об объединении действий русских и союзных войск на фронте. В нем эти ключевые положения, свидетельствующие о прямой зависимости штаба белых войск от союзного командования, либо не упомянуты, либо выражены обтекаемо [4, с. 138].

Подобная прямая зависимость от «союзников» в совокупности с крайне ограниченной помощью, которую они же и распределяли, окончательно превращали вооруженные силы белых в орудие интервентов. Даже Деникин, который не находился под таким «ручным управлением», в очередном письме Колчаку от 14 февраля 1919 г. признает, что «постоянным тормозом служат ... крупные ошибки союзников, совершенно не разбирающихся в сложных явлениях русской жизни» [там же, с. 146]. Деникин ошибался в своих оценках: союзники хорошо понимали сложившуюся ситуацию и делали все возможное, чтобы братоубийственная война на территории России продолжалась как можно дольше.

Ситуация усугублялась непростыми отношениями между самими западными союзниками. Причинами выступали как внутренние проблемы этих стран, так и осознанием того, что «Верховный правитель» является креатурой прежде всего Великобритании. Все это не могло не отразиться на транслируемой колчаковскому правительству помощи. В письме представителя России в Лондоне К.Д. Набокова Колчаку об отношении союзников к событиям в России и российскому правительству от 21 мая 1919 г. сообщается: «Ныне совершенно очевидно, что задача всемерного содействия освобождению России от анархии и террора большевиков взята на себя именно Англией. ... На помощь Франции рассчитывать абсолютно нельзя. ... Со стороны Вильсона идет систематическая обструкция всякому ... возрождению русской государственности» [23, с. 117].

При этом «союзники» не прочь выразить Колчаку словесную поддержку. После победы колчаковских войск под Пермью председатель совета министров Франции Клемансо шлет «верховному» поздравления и «в согласии с Великобританским правительством» опять обещает ему дальнейшую материальную помощь [4, с. 122]. Лишь 26 мая 1919 г. «союзные государства» выступили с нотой об условиях оказания помощи правительству Колчака. Наряду с требованиями предоставления независимости Польши и Финляндии, признания автономности Эстонии, Литвы,

Латвии, Кавказа, Закавказской территории, права определять будущее Бессарабии, содержалось требование выполнения декларации, сделанной Колчаком 21 ноября 1918 в отношении российского национального долга. Колчак откликнулся на эти условия 4 июня 1919 г., подтвердив декларацию от 21 ноября 1918 г. [4, с. 272, 274]. При этом и сам Колчак, имитирующий борьбу за «великую и неделимую Россию», подыгрывает отколовшимся частям российской империи, призывая их за это участвовать в борьбе с большевиками. В телеграмме регенту Финляндии К.Г. Маннергейму Колчак подтверждает «искреннее стремление России к национальной свободе финляндского народа». За эту поддержку он предлагает Маннергейму «перейти к решительным мерам ..., начав активные военные операции в направлении Петрограда» [там же, с. 280].

Продвигая Колчака на роль «Верховного правителя», «союзники» преследовали несколько долгосрочных целей. Одной из них являлась нейтрализация усилий Японии, которая имела самый большой воинский контингент, и при этом в отличие от западных стран готова была непосредственно участвовать в боевых действиях. Военный переворот не позволил создать единое командование вооруженными силами в Сибири и на Дальнем Востоке, усилил политическое противостояние и отрезал Японию от военной помощи единому Сибирскому правительству. Западные союзники понимали, что союз Семенова с Колчаком усилит влияние Японии и выведет ее из сферы Дальнего Востока на сибирские просторы. Насколько важна была в тех условиях помощь Японии и поддерживаемых ею вооруженных сил на Дальнем Востоке, хорошо понимал атаман Дутов, который попытался примирить Семенова с Колчаком. Он уже практически склонил Семенова к признанию власти Колчака, но тот неожиданно получил от Колчака телеграмму с приказом № 61 от 1 декабря 1918 г. об отрешении Семенова от должности. В приказе атаман Семенов именовался «изменником Родины». Кто инициировал данный приказ, до сих пор неясно. Подлинник приказа в архивах не найден. Его текст приводят по книге Г.К. Гинса [24, с. 280-281]. Но эта телеграмма поставила окончательный крест на возможности подобного союза. В разговоре по прямому проводу с представителем Колчака генерал-майором Хорошхиным Семенов заявляет, что «не адмирал Колчак вверил мне славные отряды и не он возьмет их от меня» [4, с. 91].

Колчак, явно подогреваемый невидимыми советниками, пытается прямолинейно надавить на Семенова. В Иркутск он отправляет особую миссию в количестве 60 чел. во главе с ген.-майором В. Волковым, который относится к Семенову по-дружески, признает его популярность среди офицеров. Но до Читы «правительственные войска» не добрались. Их остановили на ст. Мозгон в 141 км от Читы (семеновцы разобрали пути) [там же, с. 758].

Информационная перепалка между «верховным» и Семеновым продолжается и после этого. В письме Деникину Колчак называет Семенова «агентом японской политики». В донесении сотрудника Американской военной миссии Романова сообщается, что Семенов отказался от сотрудничества с Колчаком, потому что знал его «за плохого дипломата и не одаренного государственным умом» [4, с. 117-118, 122].

После таких разборок с Семеновым колчаковское правительство могло рассчитывать только на помощь со стороны Франции и Англии. Япония приостановила помощь, объясняя это тем, что Колчак не признает Японию союзником [там же, с. 105]. США ограничивались только обещаниями. Это осознает и сам Колчак, но в очередном письме к Деникину выражает уверенность, что помощь со стороны Великобритании и Франции будет «масштабной» [там же, с. 125-126].

Можно предположить, что в действиях Колчака есть некий скрытый смысл, что это был временный вынужденный союз, который Колчак хотел использовать в интересах восстановления могущества России. Однако вся его предшествующая деятельность, особенно после февральского переворота, его усилия продать себя, как профессионального военного, не позволяют предположить это даже в качестве гипотезы. Если даже считать действия Колчака в отношении «союзников» правильными по тактическим соображениям, то нельзя не видеть стратегические просчеты: колчаковское правительство лишалось поддержки войсками наиболее сильного союзника в лице Японии, войск атамана Семенова и прочих атаманов Дальнего Востока. Ресурсы Дальнего Востока, в том числе и мобилизационные, не могли быть использованы его правительством для наращивания дееспособности войск. Возникли колоссальные трудности в области контроля за основной транспортной коммуникацией. Транссибирскую железнодорожную магистраль за Байкалом контролировали японцы, отношения с которыми были испорчены. Все это очень хорошо укладывается в реализуемую англичанами стратегию «Разделяй и властвуй» и «война чужими руками», которую они реализовывали, используя Колчака. Объективно, Колчак, не имевший опыта государственного управления, управления сухопутными силами, поддержки какой-либо влиятельной политической силы, не мог иметь каких-либо планов на самостоятельную игру, изначально на этом этапе выступает в качестве прямого агента британского правительства.

Изоляция Японии, выведение ее из категории «союзников» принципиально меняли и стратегию США. Из-за раскола в среде «союзных сил» США были вынуждены концентрировали свои усилия на борьбе с Японией. Война между этими государствами за соперничество на Тихом океане становилась неизбежной. Более того, стратегия США, которую они были вынуждены применить, стремясь ослабить японское

влияние, работала на пользу Советской власти. Стараясь вывести отряды атаманов из-под контроля Японии, американцы вели пропаганду с лево-социалистических движений [4, с. 205-206]. Поэтому, когда американцы выступили с предложением контроля за железной дорогой от Верхнеудинска до Иркутска, Колчак выступил против, опасаясь, что американские войска в районе своей охраны будут культивировать большевизм [25, с. 191]. Вышеупомянутый генерал-лейтенант Г. Романовский, представлявший российское командование при союзном командовании, отмечал, что «рассчитывать на военное содействие Америки пока не приходится». Американские войска на Дальнем Востоке «присланы сюда не столько для оказания нам помощи, сколько для обеспечения американских интересов от захватнических устремлений японцев» [4, с. 128]. Об этом же докладывал начальника главного военного цензурно-контрольного бюро Штаба Колчака подполковника Н.К. Павловского в своем отчете от 20 июля 1919 г. В нем он отмечал, что Япония энергично борется с большевиками, привлекая на свою сторону «симпатии и поддержку городских интеллигентских кругов», американцы сумели заручиться «симпатиями низов населения, ... благодаря необычайной лояльности большевизму» [там же, с. 309-310].

Когда исход колчаковской эпопеи уже не вызывал сомнения, американцы оставили всякий политес в отношениях с ним. В частности, они напрямую пытались использовать в своих интересах Гайду, отстраненного Колчаком от командования Сибирской армией и высланного из страны. Гайда со своими легионерами из Владивостока выезжать не спешил и, пользуясь поддержкой американцев, вел антиколчаковскую пропаганду и готовил мятеж. Американцы, соперничающие с японцами, позицию Колчака проигнорировали. Опираясь на их поддержку, снятый и разжалованный генерал Гайда 18 ноября 1919 г., в день годовщины переворота в Омске, поднимает мятеж во Владивостоке и объявляет себя начальником Русской народной армии. И хотя мятеж Гайды был быстро подавлен, на американскую позицию это не повлияло. Только японцы в лице представителей коммерческих фирм выступили с обращением к генералу С.Н. Розанову, в котором назвали Гайду авантюристом, а организованный им мятеж «ударом в спину воюющей армии» [там же, с. 443]. Остальные «союзники» промолчали.

Кроме максимального ослабления России и ее откровенного грабежа, «союзные государства», организовав военный переворот, преследовали еще одну важную цель, связанную с присвоением золотого запаса России. Не случайно организованный ими переворот по времени совпадает с прибытием в Омск золотого запаса империи. Официально «союзники» не признали колчаковское правительство как Всероссийское. После переворота 18 ноября 1918 г. правительство Колчака было при-

знано только Югославией (май 1919 г.). Не признанное Всероссийским колчаковское правительство лишалось возможности рассчитываться за поставки оружия и амуниции тем золотом, которое разместило еще царское правительство в западных банках под залог подобных поставок. Оплачивать поставки можно было только золотом, прибывшим в Омск. Официальным куратором этого золота после переворота являлся Колчак. За полгода золотой запас России «союзники» через Колчака опустошили на 193,049 т, или почти на 37 % [26, с. 170]. Оставшееся золото они планировали вывезти под своим контролем во Владивосток, а из него оно должно было отправиться по банкам «союзных государств». Колчаку отводилась роль в пролонгации подобных интересов «союзников». Однако к этому времени назревает явный разрыв в отношениях Колчака и его покровителей. «Верховный правитель», очевидно, начинает осознать перспективы той роли, которую ему прописали. Хаос усугубляется, войска бегут с фронта, никакой реальной помощи нет и не предвидится, золотой запас катастрофически убывает. Положение Колчака становится не просто безнадежным, но отчасти жалким и смешным в своей абсолютной зависимости от «союзников». Оскорбленное самолюбие прорывается наружу. В конце сентября 1919 г. он его демонстрирует дважды.

26 сентября 1919 г. Междусоюзный комитет военных представителей Франции, Англии, Японии и США потребовали от командующего войсками приамурского округа ген. Розанова до 12 часов 29 сентября вывести русские войска, бронированные поезда за пределы Владивостокского крепостного района. Колчак на уведомление союзников отреагировал резко. В телеграмме, посланной Розанову, Колчак, в частности, приказал тому «оградить от всяких посягательств суверенные права России на территорию крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем» [20, с. 499-500].

Второй случай приводит в своем дневнике П.В. Вологодский от 29 сентября 1919: «...однажды почти весь персонал дипломатических представителей и военных миссий наших союзников явился к Верховному правителю и предложил ему взять под международную охрану государственное золото и вывезти его во Владивосток». Вологодский видел в этом стремление союзников прибрать золотой запас, находившийся в Омске в счет долга «русских правительств иностранным державам». Колчак, со слов Вологодского, ответил приблизительно так: «Не дам вам золото под охрану, я вам не верю» Реакцию союзников Вологодский описывает следующим образом: «Представители союзников были прямо ошеломлены.... Произошла тяжелая сцена» [25, с. 231-232]. Очевидно «союзники» были настолько уверены в управляемости Колчака, что действительно испытали шок. Колчак затем стал оправдываться, что

ситуация не критичная, что не стоит спешить с вывозом золота. Но как пишет, Вологодский, «союзники» ушли от Колчака «подавленные» и с «затаенной злобой». Было очевидно, что их планы, связанные с золотым запасом, явно пошли не так. После этого представители союзников стали быстро покидать Омск.

Строптивость Колчака в отношении золотого запаса получила быстрое продолжение. 10 октября Колчак получает телеграмму от британского военного министра У. Черчила с уведомлением о прекращении ему помощи со стороны Англии. Британский министр ссылался на необходимость сосредоточения помощи Деникину. В это же время советник посольства России в Великобритании еще продолжает вести уже бессмысленные переговоры о признании правительства Колчака. От редактора «Таймс» он получает разъяснение: британское правительство опасается, что признание Колчака потребует финансовых жертв со стороны Англии [4, с. 385-386]. По сути, это был приговор отступающему колчаковскому войску и ему самому как «Верховному правителю».

Никакого оптимизма по поводу многократно обещанной помощи у Колчака уже нет. В письме жене Софье Федоровне от 15 октября 1919 г. он пишет: «Ты спрашиваешь меня о союзниках и внешней помощи с их стороны. Я не могу много говорить об этом, прежде всего потому, что я не доверяю бумаге своих взглядов в таких деликатных вещах». Но у него нет и другого выхода. Когда судьба армии и Омского правительства предрешена и принято решение о переезде в Иркутск, Колчак уведомляет об этом союзников и умоляет их сохранить лояльность и помощь. Напоминая, что Российское правительство, которое всегда сохраняло неизменную верность своим союзникам во время великой войны, он обращается к правительствам «дружественных ей держав» Англии, Франции, Японии, США, Польши, Чехословакии и Китая, что «они не оставят его своей дальнейшей поддержкой и помощью». Только при таких условиях Российское правительство «доведеет борьбу до победного конца» [4, с. 420-421].

Чехи приступили к эвакуации 1 октября. Колчаковское войско плелось у них в хвосте, вперед их не пропускали. Поэтому русские эшелоны оказались в чрезвычайно сложных условиях. В отступающих эшелонах свирепствовал голод, холод и тиф. Гибель эшелонов с семьями нанесла огромный моральный удар по Колчаку. Даже в глазах своего ближайшего окружения он потерял всякое уважение.

Находясь в столь унижительном положении в отступающем эшелоне, осознавая свою абсолютную зависимость от «союзников», Колчак предпринимает неадекватную попытку сыграть роль независимого «Верховного правителя». Свидетельством этого является его обращение к военным и дипломатическим представителям союзных держав по пово-

ду чешского меморандума 25 ноября. Оценивая меморандум и мятеж Гайды во Владивостоке, Колчак увязывает его со стремлением великих держав получить санкцию «на вмешательство вооруженной силой в русские внутренние дела ... Малейшие шаги в этом смысле будут мною рассматриваться как враждебный акт ... и я отвечу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем» [27, с. 114-115]. Какой вооруженной силой и борьбой может ответить Колчак с убегающим деморализованным войском, поставленный союзниками и тотально зависимый от них?

Нервный срыв Колчака перепугал его ближайшее окружение. Когда информация об этом обращении Колчака дошла до В.Н. Попеляева, тот моментально позвонил ему и попросил отрешиться от данного обращения. Колчак ответил, что он этого сделать не сможет: «Я стою на своей точке зрения и такого отношения со стороны союзников ко мне и моему правительству не потерплю» [там же, с. 140]. И.о. главного управляющего делами Верховного правителя и Совета министров К.П. Харитонов в разговоре с директором канцелярии А.А. Мартьяновым 27 ноября заявляет, что данное обращение Колчака является «гибельным» и окончательно разрушает отношения с чехами [там же, с. 141-142].

Колчак согласен отозвать меморандум только в случае аннулирования чехами своего акта, заявляя, что «есть предел дипломатическим приемам и наглость отдельных лиц не может остаться без ответа» [4, с. 450]. Но все же и в этот раз он сдается. 30 ноября в телеграмме на имя председателя Совета министров и управляющего министерством иностранных дел он приостанавливает свой протест по поводу чешского меморандума. И это означает, что Колчак смирился со своей ролью и осознает свою абсолютную зависимость от действий «союзных государств».

Союзников в данном случае волнует судьба золота, но не судьба Колчака. То, что у них не получилось в Омске, теперь происходит в Нижнеудинске. Но ситуация для Колчака намного хуже, поэтому «союзные государства» действуют без особых церемоний. Утверждая, что золотой запас находится в опасности, они заявляют о готовности Высшего командования союзных войск в Сибири принять необходимые меры для принятия этого золота союзными силами и направить его во Владивосток под конвоем союзников, где оно будет храниться до тех пор, пока союзные правительства по соглашению с представителями русского правительства примут решения об его окончательном назначении [там же, с. 474]. Несмотря на витиеватый слог письма, в котором даже испрашивается согласие колчаковской стороны, союзники ощущают себя хозяевами положения и напрямую диктуют свои условия. Однако, как показали дальнейшие события, «союзники» явно недооценили возможности партизанского движения и наступательный потенциал 5-й армии.

Колчак после этого озабочен только личным спасением. Рассматривалось несколько вариантов избежать пленения и неминуемого суда.

От Нижнеудинска до Монголии шел старый почтовый тракт, длинной в 250 верст, почти непроходимый зимой (перевалы до 2,5 тыс. метров). По ту стороны границы располагалась пустыня Гоби с редкими кочевьями монголов. Можно было спастись, двинувшись этой дорогой в Монголию. «Адмирал был горячим сторонником этой идеи». Но к этому времени даже его охрана потеряла всякое доверие и уважение к нему. Вначале почти все солдаты конвоя (около 500 человек) перешли к большевикам. А затем и офицеры отказались пробиваться с ним в Монголию, заявив, что без него «гораздо легче будет уйти». Поэтому Колчак обречен, и он это понимает: «Все меня бросили» [4, с. 726-727].

Оставался еще один вариант для спасения: раствориться в эшелоне среди чехов, переодевшись в солдатское платье. Но этот вариант был уже совсем унижительным, да и отношения с чехами были испорчены настолько, что не было гарантии безопасного выезда и в этом случае.

Поэтому остается надежда на последний вариант. 4 января Колчак передает свои полномочия Деникину, уведомляет об этом союзников, просит распоряжения о продвижения в Забайкалье «моих поездов с их личным составом и под охранной союзных держав» [там же, с. 477-478]. Но особой веры в этот вариант он не испытывает: «Продадут меня эти союзнички». Союзники к этому времени прекратили всякую связь с Колчаком, но обиженный Колчак еще пытается встать в позу, заявляя, что «он сам первым к Жанену не пойдет» [там же, с. 727, 729].

Ближайшее окружение Колчака, да и он сам, еще надеются, что прямого предательства со стороны «союзников» все же не произойдет, и что дальше из Иркутска под охраной японцев (в Иркутске их было сосредоточено два батальона) он двинется то ли в Харбин, то ли во Владивосток. Они даже составляют список особо приближенных во главе с Колчаком, чтобы решить с Жаненом вопрос их материального обеспечения для жизни за границей.

Однако, японцы намерений спасти британскую марионетку не имели. Предложение, якобы исходившее от помощника Жанена – полковника Марино, принять адмирала от чехов, они отклонили, «ссылаясь на неимение на то инструкций» [там же, с. 731]. К этому времени из иностранных войск в Сибири оставались только чехи, поляки и сербы, а на Дальнем Востоке небольшие контингенты американцев.

15 января представители чешского командования передают по акту, как отработанную вещь, Колчака и Попеляева, а также эшелон с золотым запасом в руки Политцентра, в обмен на договоренность о их беспрепятственном выезде из России.

Историко-геополитическая интерпретация истории взаимоотношений А.В. Колчака с представителями «союзных держав» свидетельствует,

что его политическая позиция отвечала интересам западных государств. На первом этапе до июня 1917 г. его позицию можно интерпретировать в основном по косвенным факторам. Как участник русско-японской войны, Колчак должен был хорошо разбираться в геополитическом раскладе в целом и на востоке России, в частности. Война за влияние на Тихом океане была развязана англосаксонскими государствами. Япония выступала инструментом их геополитических интересов по сдерживанию и ослаблению России на востоке евразийского континента. Сложно однозначно судить о причинах, но после пребывания в японском плену и первых контактов с представителями западных государств, политическая деятельность А. Колчака в предвоенный период, а также его геополитические приоритеты, сформулированные в статье «Какой флот нужен России», ориентированы на интересы англосаксонских (морских) государств.

С июня 1917 г. начинаются прямые контакты Колчака с представителями западных государств. На этом этапе Колчак открыто мотивирует свою позицию: за передачу специальных знаний в области минного дела и планируемой операции по черноморским проливам он стремится перейти на военную службу США, а затем Великобритании. Англичане просьбу Колчака удовлетворяют. Однако в английской армии ему послужить не пришлось. В условиях развязанной гражданской войны представители Великобритании решают использовать его на внутривнутриполитическом поле России. Колчак в роли «Верховного правителя» позволяет «союзным государствам», прежде всего Великобритании, контролировать политическое пространство и осуществлять военный контроль за Уралом в своих геополитических интересах: добиваться максимального ослабления России через затягивание братоубийственной гражданской войны, вывоза из России ресурсов, в том числе и золотого запаса, который оказался под контролем колчаковского правительства.

Анализ взаимоотношений Колчака с представителями западных государств убедительно свидетельствует об отсутствии каких-либо серьезных аргументов в пользу того, чтобы рассматривать его как политическую фигуру или политическую силу, имеющую самостоятельный политический проект возрождения России и политическое влияние, обеспечивающее его реализацию. Особенно жалким и беспомощным из-за прямой зависимости от «союзных государств» Колчак выглядит в конце своей эпопеи. Не было предательства Колчака со стороны его окружения, поскольку он не являлся самостоятельной политической фигурой, есть история геополитической измены самого Колчака. Есть и факт предательства Колчака со стороны «союзных государств» по мере реализации им геополитического функционала в роли «Верховного правителя». И с этой точки зрения, его политическая драма является важным историческим уроком.

Список использованной литературы и источников

1. Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет / М.Н. Покровский // Вестник Коммунистической Академии. – 1928. – № 2 (26). – С. 3–30.
2. Фриман Э. Методы изучения истории / Э. Фриман ; пер. с англ. П. Николаева. – Изд. 2-е. – Москва : URSS, 2010. – 196 с.
3. Колчак А.В., 1874–1920: сборник документов: в двух томах. Т. 1. А.В. Колчак: от кадета до флотоводца, 1874–1918. – Санкт–Петербург : Русско–Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2021. – 720 с.
4. Колчак А.В., 1874–1920: сборник документов: в двух томах. Т. 2. А.В. Колчак: верховный правитель России. 1918–1920. – Санкт–Петербург : Русско–Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2021. – 976 с.
5. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января – 6 февраля 1920 г.)]. – Санкт–Петербург : Питер, 2015. – 272 с.
6. Васильев М.В. Геополитический подтекст Гражданской войны в России. Ч. 1 / М.В. Васильев // Архонт. – 2019. – № 6 (15). – С. 43–56.
7. Иванов А.А. Теория малых войн и деятельность британских спецслужб на Русском Севере в 1918 году / А.А. Иванов // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 308–321
8. Самсонов А. Как державы Антанты «помогали» белогвардейцам / А. Самсонов // Военное обозрение. – URL: <https://topwar.ru/4865-kak-derzhavy-antanty-pomogali-belogvardeytsam.html> (дата обращения: 12.01.2022).
9. Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак / С.В. Дроков // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 50–67.
10. Ясько Т.Н. Возвращение русских пленных моряков из Японии 1905–1906 / Т.Н. Ясько // Гуманитарные проблемы стран Азиатско–Тихоокеанского региона (АТР). – 2003. – № 1 (39). – С. 96–98.
11. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.) / С.Н. Тимирев. – Нью–Йорк : Амер. о–во для изучения рус. морской истории, 1961. – 172 с. – URL: <http://rmzb.narod.ru/books/78Timirev.pdf>. Дата обращения 10.12.2021.
12. Граф Г.К. Ёмператорский Балтийский флот между двумя войнами 1906–1914 / Г.К. Граф. – Санкт–Петербург, 2006. – 336 с.
13. Козлов Д.Ю. Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.: борьба амбиций и поиск модели управления / Д.Ю. Козлов // Российская история. – 2021. – № 4. – С. 126–136.
14. Савич Н.В. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) / Н.В. Савич // Архив русской революции. – 1923. – Т. X. – С. 169–174 – URL: https://www.yabloko.ru/Publ/2008/11/081101_savich_kolchak.htm (дата обращения: 11.10.2021)
15. Колчак А.В. Какой флот нужен России / А.В. Колчак // Армия и Флот. – 2002. – № 1 (149). – URL: <http://www.armiyaiflot.ru/nomera/2002/20021-02.html> (дата обращения: 14.10.2021)

16. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; закл. ст. И. Даниленко. – Москва : Кучково поле, 2002. – 272 с.

17. Дроздов С. Штрихи биографии Колчака / С. Дроздов // Проза.ру. – URL: <https://www.proza.ru/2015/11/26/674>

18. Верховский А.И. На трудном перевале / А.И. Верховский. – Москва : Воениздат, 1959. – 448 с.

19. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / П. Флеминг. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 272 с.

20. Шишкин В. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября – 18 ноября 2018 г. // Голоса Сибири: литературный альманах. – 2007. – Вып. 6. – URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/043_007_kov_01.html

21. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И.Ф. Плотников. – Москва, 2002. – 701 с.

22. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. – Москва : Мысль, 1983. – 294 с.

23. Колчаковщина : Сборник / Под ред. [и с предисл.] Н. Райвида и В. Быкова Истпарт при Уралобкоме Р.К.П.(б). – [Екатеринбург] : Уралкнига, 1924. – 249 с. – URL: http://old.libsmr.ru/show_preview2?id=4FEBB672-A763-4293-9F2E-781E3E020378

24. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) / Г.К. Гинс. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 440 с.

25. Квакин А. За спиной Колчака: Документы и материалы // А. Квакин ; под ред. А.В. Квакина. – Москва : Аграф, 2005. – 511 с.

26. Шалак А.В. Иркутская история золота Российской империи / А.В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 155–175.

27. Последние дни колчаковщины : [сборник документов] / Центархив ; материал подготовлен к печати М.М. Константиновым ; с приложением статьи А.А. Ширямова. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 231 с. – URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-21193/>

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru

Author

Alexander V. Shalak – D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakav@bgu.ru